

УДК 930
ББК 87.3(2)+63.3

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. А. В. Антощенко
г. Петрозаводск, Россия

«ВИЗАНТИНИЗМ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г. П. ФЕДОТОВА

Аннотация: В статье анализируется построение исторического нарратива последней монографии Г. П. Федотова «Русская религиозность», опубликованной вскоре после Второй мировой войны в США и обращенной к американскому читателю. Автор показывает, что другим «предполагаемым читателем» этого нарратива были консервативно-ортодоксальные коллеги историка по Свято-Сергиевскому богословскому институту, с которыми он продолжал скрытую полемику. Именно она обусловила детальную характеристику византийского влияния на восприятие христианства в Древней Руси. Г. П. Федотов критически оценивал «русский византизм», противопоставляя ему другой полюс русской религиозности — «кенотизм», понимаемый как следование Христу в любви к Богу и человеку. Такое биполярное рассмотрение исторического материала, нацеленное на выявление смысла понятий, свойственных для древнерусской религиозной ментальности, позволяет определить книгу русского историка как исследование, основанное на структуралистском подходе.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, «Русская религиозность», византизм, кенотизм, православие

Информация об авторе: Александр Васильевич Антощенко — доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет, ул. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия. E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.04.2017

Дата публикации: 15.06.2017

Творческое наследие известного в русском зарубежье историка, культуролога, публициста и религиозного мыслителя Георгия Петровича Федотова (1886–1951), создавшего оригинальную концепцию истории древнерусской религиозности, за последние годы вернулось на родину благодаря публикации в России его статей, монографий и «Собрания сочинений» в 12 томах. Вместе с этим процессом началось его изучение историками, философами, социологами и политологами. По мере увеличения числа переизданий работ Г. П. Федотова расширялся круг исследуемых тем. Правда, анализ итоговой книги историка «Русская религиозность», впрочем, как и многих других его публицистических и исследовательских произведений, страдает от игнорирования изучающими архивных источников, без которых невозможно полностью восстановить контекст создания этих произведений, а адекватно представить их замысел и его осуществление. В результате нередко интерпретация его исторической кон-

цепции носит реферативный характер [3, с. 197–214], при котором ее значительные элементы упускаются из виду, а предлагаемая реконструкция искажает взгляды историка.

В данной статье будут проанализированы представления Г. П. Федотова о византийском влиянии на формирование древнерусской религиозности, без которого невозможно корректно представить его интерпретацию своеобразия восприятия христианства в Древней Руси, определенную им понятием «кенотизм». Методологически исследование базируется на принципах исторической нарратологии [17; 23; 29], поэтому в статье последовательно рассматриваются: оформление замысла итоговой работы Г. П. Федотова, обусловленное обращением к новой читательской аудитории и преемственностью его творческих поисков; формулировка им предмета изучения; обоснование принципов анализа и, наконец, определение значения понятия «византизм» и его места в оформлявшем концепцию историческом повествовании, нарративной субстанции которого стала «русская религиозность». Источниковую основу статьи составляют наряду с монографией Г. П. Федотова «Русская религиозность» эпистолярные источники, хранящиеся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (г. Нью-Йорк, США), в архиве Центра русской культуры при колледже Амхерста (г. Амхерст, США) и в частном собрании В. В. Янцена (г. Заале, ФРГ), которые позволяют воссоздать контекст создания итогового нарратива историка. При исследовании также учтены рецензии на монографию и ее интерпретации современными историками.

Книга Г. П. Федотова, написанная на английском языке и опубликованная издательством Гарвардского университета в 1946 г. под названием «Russian Religious Mind», стала последней работой, увидевшей свет при его жизни. Через двадцать лет О. И. Мейендорф подготовил к печати в этом же издательстве вторую часть исследования, которое не было завершено Георгием Петровичем. Вместе с нею был переиздан с некоторыми исправлениями первый том, в название которого было внесено дополнение: «Христианство Киевской Руси. X–XIII вв.». Соответственно вторая часть получила подзаголовок «Средние века. XIII–XV вв.». Данные два тома были лишь частью того проекта, который стремился реализовать историк в последние годы своей жизни в США.

Об этом свидетельствует его переписка с Б. А. Бахметьевым и М. М. Карповичем, благодаря которым Г. П. Федотов получил финансовую поддержку для исследования данной темы. Во время первой встречи с Б. А. Бахметьевым, состоявшейся 1 октября 1941 г., Георгий Петрович изложил ему свой план, который предполагал подготовку многотомной «истории религиозного сознания» в России (речь первоначально шла о шести томах). Однако под влиянием собеседника он согласился с возможностью первоначально написать обобщающую работу, положения которой затем будут развиты в ряде книг. Делясь своими впечатлениями от встречи с Г. П. Федотовым, Б. А. Бахметьев писал на следующий день в письме к М. М. Карповичу: «Вчера был у меня Федотов, который редко мне понравился. Очень давно я не испытывал такого удовольствия, встречая новое лицо. Он совсем не похож на то, каким я его представлял себе и каким мне его описывали. По большинству вопросов, которые мы обсудили, я чувствовал значительный резонанс в его и моих вибрациях. Говоря о его будущем, мы затронули вопрос о книгах, которые он собирается писать. Он говорил о новой теме — “истории религиозного сознания” в России. <...> Меня очень заинтересовала [эта] мысль, особенно, так как вдохновенно написанная книга могла бы ответить на вопрос многих америк[анцев] в чем суть русского православия. Книга Булгакова¹ не отвечает на этот

¹ Имелся в виду английский перевод книги С. Н. Булгакова «The Orthodox Church» (L., 1935).

вопрос. Конечно, может и Федотов напишет так, что иностранцам [будет] непонятно, но мне кажется, что ему можно объяснить, что и как нужно» [7, с. 405–406]. Именно поэтому Б. А. Бахметьева особенно интересовал вопрос, который он задал М. М. Карповичу, как специалисту по русской истории: «Может ли он (Г. П. Федотов. — А. А.) вразумительно писать для иностранцев?» [7, с. 406]. М. М. Карпович положительно ответил на него, заверив Б. А. Бахметьева, что Г. П. Федотов «может написать книгу, которая будет интересна для американцев», так как «он достаточно гибок для того, чтобы понять, что от него требуется и приспособиться к новому читателю» [7, с. 407]. В дальнейшей переписке с М. М. Карповичем, которому Б. А. Бахметьев поручил «куррировать» проект, Г. П. Федотов неоднократно обращался к нему за советом, подробно излагая планы работы и делаясь сомнениями относительно того, каким образом сделать книгу интересной и, главное, доступной американскому читателю. М. М. Карпович неизменно отвечал готовностью познакомиться с рукописью, чтобы определить насколько она соответствует «социальному заказу». Его редакторские советы (среди них особенно значимый относительно центрального понятия книги — кенотизм, английский эквивалент которого долго искал Г. П. Федотов) помогли в определенной степени подготовить рукопись к публикации в престижном издательстве Гарвардского университета. Правда, в ходе работы над книгой Г. П. Федотов вновь вернулся к своей первоначальной идее многотомного издания, которое было бы интересно не только «рядовому читателю», но «дало кое-что и специалистам». Не удивительно, что среди тех, кто ознакомился с рукописью книги и чье мнение было особенно важно для историка, были не только его бывшие соотечественники — Г. В. Вернадский, М. М. Карпович и Р. О. Якобсон, но и американские эксперты — С. Х. Кросс и Д. Б. Конант [10, с. 132]. Если первый был специалистом по русской истории и православию, то второй являл собой «рядового читателя», однако весьма важного, т. к. он был в эти годы президентом Гарвардского университета, издательство которого вело переговоры с Б. А. Бахметьевым и М. М. Карповичем об условиях публикации книги. Таким образом, написанная по-английски работа была обращена к американским читателям, интересующимся русской культурой, количество которых в США после окончания Второй мировой войны значительно возросло, и к специалистам по русской истории, число которых оставалось незначительным. Эту направленность издания, несомненно, нужно учитывать при анализе построения нарратива «Русской религиозности».

В одном из писем М. М. Карповичу Г. П. Федотов упомянул, что замысел исследования возник у него еще в 1939 г. в Англии [10, с. 116]. Это обстоятельство указывает на еще один важный момент, который должен быть учтен при рассмотрении этого исследования. Оно опиралось на предшествующие работы историка и являлось развитием тех идей, которые были заложены в них. Правда, достаточно критический настрой тех рецензий, в которых высказывалась эта мысль [18; 21], вызывает ответную реакцию, когда современными авторами подчеркивается, что нельзя сводить значение итоговой работы Г. П. Федотова к простому переводу или даже переработке его книги «Святые древней Руси» [4, с. 33]. С последним мнением нельзя не согласиться, но оно должно быть подкреплено изучением того, как в результате внесенных Г. П. Федотовым дополнений в нарратив изменилась его структура и каким образом обновилась позиция его концепции и обогатилась их аргументация².

² Указание А. А. Галямичевой на простое количественное различие объема заключения, как показатель изменения его качества, выглядит в лучшем случае наивно. См.: [3, с. 209–210].

Вместе с тем указание на преемственность работ важно еще в одном отношении. В последнем исследовании историка продолжалась та скрытая полемика, которая велась Г. П. Федотовым в его работах с консервативно настроенными профессорами Свято-Сергиевского института в 1930-е гг. [1] и которую он с такой горечью охарактеризовал как «яд тайной критики» в своем дневнике, начатом в 1935 г. и возобновленном во время столь тяжелого пути из Европы в Америку [16, с. 88]. Острота ее еще более усилилась конфликтом Георгия Петровича с правлением института в 1939 г., в котором его жена, Е. Н. Федотова, выступала неверным гарантом точности его этического чувства [12, с. 262–378]. В одном из писем ей уже из Америки во Францию, он писал 19–20 августа 1946 г. по этому поводу: «Мое презрение к тому роду церковности (применительно к подлости), которое определяло их поведение по отношению ко мне, возможно, не менее твоего. Но именно потому, что они обидели меня, я не считал бы себя вправе помнить об этом. Мстить за свои обиды мне кажется низким. У меня другие формы реакции: я мщу той подлой экклезиологии, которая приводит к таким поступкам. Я считаю, что моя статья об этом в “Пути” (1939)³ и моя печатающаяся книга достаточно мстят за меня. Я предпочитаю разоблачить Кирилла Туровского, чем Зеньковского»⁴. Тем самым при деконструкции нарратива с целью выявления принципов его построения следует учитывать не только его обращенность к американскому читателю, но и эту «разоблачительную» интенцию.

Общий замысел исследования Г. П. Федотов изложил в письме к М. М. Карповичу от 13 октября 1941 г.: «Я имею в виду дать очерк отдельных духовных течений, характеристику разных религиозных слоев и групп, выяснение оригинальности или связанности с греческой традицией. Для новой, петербургской эпохи задача осложняется необходимостью проследить религиозные следы в светских и даже антихристианских направлениях. Сквозь все тысячелетие мне видится некоторое единство, хотя и не сводимое к одной формуле, конечно. Материалом должны служить жития святых и памятники литературные» [10, с. 116]. Во введении к «Русской религиозности» он уточнил предмет исследования: «Духовная жизнь, этика, искусство и религиозно значимые общественные нормы являются <...> основным предметом наших исследований» [12, с. 9]. Это позволило М. М. Карповичу справедливо отметить его оригинальность: «По сути, это первая попытка написать историю русского религиозного сознания как отличную от истории Русской Церкви в ее догматическом и организационном аспектах» [7, с. 433–434]. Эта оценка затем была повторена в ряде рецензий [27, р. 114] [28, р. 123].

Г. П. Федотов сконцентрировал свое внимание на изучении «субъективной стороны религии», поставив в центр исследования человека. «Мой интерес сосредоточен на сознании человека: религиозного человека и его отношении к Богу, миру, собратьям; это отношение не чисто эмоциональное, но также рациональное и волевое, т.е. проявление всего человеческого существа. Целостность религиозной личности — тот невидимый источник, из которого берут свое начало и получают значение основные проявления не только религиозной, но и всей культурной жизни. История богословия, литургики и канонов перестает быть просто набором древностей лишь в том случае, когда на нее падает свет, исходящий от религиозного человека или его религиозного сознания. В центре нашего внимания, разумеется, прежде всего “духовная жизнь”

³ Речь шла о статье «В защиту этики», направленной против о. Сергия Булгакова.

⁴ Письмо Г. П. Федотова к Е. Н. Федотовой от 19–20 августа 1946 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Ms Coll Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G. P. Fedotov to his wife, 1946.

в смысле мистико-аскетической жизни и религиозной этики — религиозный опыт и религиозное поведение, по отношению к которым богословие, литургия и каноны могут рассматриваться как внешнее их выражение и форма» [12, с. 9].

За таким определением стояло вполне осознанное общее религиозное видение проблемы исторического процесса, воспринимаемого как человеческий отклик на Благодать. «История христианства — хроника этого отклика; культура христианства — культура этого опыта. История и культура по сути человечесны» [12, с. 10], — утверждал историк.

Постановка в центр исторического исследования человека, как интегрирующего своей деятельностью различные проявления истории, шла в русле антропологического поворота к «тотальной истории», пионерами которого были его французские коллеги, группировавшиеся вокруг журнала «Анналы». Хотя сам Г. П. Федотов считал свой подход укорененным в гуманизме прошлого XIX в., он оказывался созвучен самым современным ему тенденциям в развитии историографии.

Формулировка способа познания прошлого, несмотря на подчеркивание такого характерного для позитивизма принципа изучения истории, как беспристрастность, была также окончательным разрывом с учителем, наметившимся еще в университетские годы, но определившимся лишь в эмиграции. Присущее И. М. Гревсу представление о гениях как о представителях культурных черт эпохи вновь, как в молодости, отвергалось, так как «нельзя исследовать индивидуума как представителя целого; не можем мы просто суммировать противоречивые и несовместимые отличительные черты» [12, с. 13]⁵. Причем эти разрыв и отвержение отчетливо осознавались. В письме от 10 апреля 1950 г. к своей последней любви, З. О. Микуловской, Георгий Петрович признавался: «Я с благоговением относился к Гревсу, моему учителю, и отказаться от его исторических идей было очень тяжело. В сущности, я имел смелость пойти своей дорогой, только расставшись с ним (и с Россией). В тепличной храмовой атмосфере его гармонического идеализма я, вероятно, никогда бы не осуществил ничего своего. Идти своим путем значит изменять отцам, учителям, традиции. Творчество в культуре всегда измена, разрыв с друзьями. От того мои книги сочатся кровью. Я думаю, когда пишу, о людях, которых смертельно обижаю, и не делаю им никаких (или почти никаких) уступок...»⁶.

«Гармоническому идеализму» учителя противопоставлялось типологическое изучение материала, при котором выбирались «такие типы, которые репрезентативны для различных духовных групп и которые в их совокупности, — если они выбраны надлежащим образом, — могут отражать коллективное бытие» [12, с. 13]. Сведение многообразия типов к «двойственности», выражающей противоречивость исторической реальности, наталкивало Г. П. Федотова на мысль о гегельянских истоках такого способа познания. Однако следует признать, что такое самоопределение неудачно и неадекватно. Он не только критически относился к спекулятивно-априорному обоснованию закономерности исторического развития немецким философом, но и стремление

⁵ Думается, что указание Г. В. Флоровского на то, что Г. П. Федотов «унаследовал» метод своего учителя И. М. Гревса, нацеленный на выявление «субъективной» стороны исторической реальности, недостаточно обосновано. Ср.: [20].

⁶ Письмо Г. П. Федотова к З. О. Микуловской от 10 апреля 1950 г. // Из личного архива Зои Осиповны Микуловской-Юрьевой (1922–2000 гг.). Собрание В. В. Янцена / Галле на Заале. Г. П. Федотов. Письма к З. О. Микуловской (1947–1951 гг.). Хочу выразить благодарность В. В. Янцену за любезно предоставленную возможность изучить эти письма.

разворачивать познавательный процесс в диалектику движения от тезиса к антитезису, противоположность которых снималась затем синтезом для него не было характерно⁷. Признание во введении к «Русской религиозности» гипотетического синтеза исходным моментом познания указывало скорее на его близость к веберовским идеям «идеальных типов», фальсифицируемых в ходе изучения конкретного материала. Сведение же многообразия исторической реальности к «двойственности» больше напоминает предчувствие «бинарной оппозиции», о которой через два десятилетия начнут рассуждать структуралисты. Как было показано ранее, у Г. П. Федотова эта склонность остро воспринимать противоречивость окружающего мира даже на личностном уровне коренилась в его личной судьбе (оптимистически-пессимистическое восприятие любви) и в ницшеанском влиянии [11]. Но в своем устремлении она (книга) была направлена именно к структурализму, поскольку главным интересом для него были смыслы. Причем смысл одного и того же понятия мог меняться в зависимости от того, в системе каких понятий, группирующихся вокруг одного из полюсов, оно применялось. Или, говоря иными словами, в зависимости от контекста его употребления. Таким образом, в своих методологических устремлениях Г. П. Федотов несколько опережал время, прокладывая дорогу структурализму, однако не имел адекватных методологических терминов для выражения своего подхода.

Совершенно новой проблемой, которой было уделено значительное внимание в книге «Русская религиозность», стала проблема византийского влияния или «религиозного византизма», как определил ее Г. П. Федотов. Еще в середине 1930-х гг., обобщая свои взгляды на развитие русской культуры и церкви, он повторял свое наблюдение, впервые высказанное им еще в 1918 г., об отсутствии в Древней Руси «рациональной — даже шире — словесной культуры» (или о ее «молчании»), обусловленном переводом Библии и литургии на древнерусский (церковно-славянский) язык [12, с. 110–112, 364–365, 376–377; 19, р. 39]. Этим положением, по сути, вопрос о византийском влиянии на древнерусскую культуру, по крайней мере на богословие, снимался. В 1937 г. в своей книге «Пути русского богословия» Г. В. Флоровский подверг Г. П. Федотова критике, выдвинув в противовес ему утверждение о плодотворности византийского влияния на русскую богословскую мысль [13, с. 5–8]. Для него, напротив, разрыв с византийской традицией стал причиной «московского кризиса культуры» [13, с. 2]. Наиболее корректной и адекватной формой ответа на критику могло стать рассмотрение последствий византийского влияния, что и было сделано Г. П. Федотовым в книге «Русская религиозность», в которой он детально аргументировал положения, лишь пунктиром намеченные в статьях конца 1930-х гг.

Отправляясь от факта принятия христианства князем Владимиром от Византии, Г. П. Федотов тем самым начинал рассмотрение вопроса о византийском влиянии достаточно традиционно. Важным при этом для него являлось выведение «формулы византизма», которая позволила бы ухватить суть консервативной природы Византии, выступившей хранительницей являвшейся истоком христианизации античной культуры. Кратким определением формулы у историка стал «ориентализированный эллинизм», что позволило выяснить степень восточного влияния на древнегреческую государ-

⁷ Утверждение Т. В. Ивановой, поддержанное А. С. Исмаиловым, о влиянии гегелевской диалектики процесса познания на Г. П. Федотова представляется неубедительным. Ср.: [5, с. 18; 6, с. 70; 12, с. 13]. Ср. также с весьма критическими оценками гегелевского влияния на русскую общественную мысль в статьях «американского периода» Г. П. Федотова: [12, с. 93, 145, 198]. Ни в одной из архивных коллекций Г. П. Федотова не обнаружено следов «серьезного изучения» Г. В. Ф. Гегеля.

ственность и культуру и показать недостаток творческой энергии, который «не позволил Византии достичь окончательного синтеза языческих и христианских элементов, доставшихся ей в наследство» [12, с. 36]. Здесь крылись основания дуализма, который последовательно прослеживал Г. П. Федотов в религиозной культуре Византии, выявляя противоположные полюса единства и те противоречия, которые коренились в них и могли возникнуть при его нарушении. Именно здесь возникали возможности для новых, нетривиальных оценок византизма.

Так, за единством унаследованных и сохранных незамутненными двух источников духовной жизни — обрядовой и мистико-аскетической — постепенно проявлялось различие в христологии, которое оборачивалось расколом на монофизитство и несторианство, становившихся ересью именно в силу абсолютизации их противопоставления. Причем, несмотря на решения Халкидонского собора, Г. П. Федотов доказывал утверждение в византийской иконографии (образ Пантократора) и литургике (гимнословение и песнопения), а через последнюю и в восточном богословии в целом, монофизитской традиции, восходящей «к сомнительным мотивам наследства Кирилла Александрийского» [12, с. 39]. «Это — поклонение великому всемогущему Богу, к которому грешный человек может приближаться только в страхе и трепете» [12, с. 40], — заключал историк, указывая на ветхозаветные истоки (концепция Яхве) такого восприятия Воплощения, когда Христос выступает не в роли Спасителя, но Судии. Стоящее за этими рассуждениями Г. П. Федотова противопоставление богословия Кирилла Александрийского и Льва Великого ставило под сомнение возможность неопатристического синтеза, идею которого развивал Г. В. Флоровский⁸.

Другим средством выявления противоречий, скрывающихся за кажущимся единством двух путей спасения — монашеским аскетизмом и освящением повседневной жизни, стало рассмотрение особенностей развития монашества в Византии. По мнению Г. П. Федотова, монашеский путь спасения постепенно стал доминирующим над мирянским, охватив его. Но вследствие этого сама «монашеская жизнь по необходимости должна была смягчиться и гуманизироваться», что наиболее отчетливо проявилось в «очеловечивании» восточного аскетизма в Палестине, откуда «в таком смягченном виде монашество распространилось по всей Византийской империи» [10, с. 41]. Этим обуславливались в конечном итоге два внутренне связанных явления: вытеснение мистического содержания монашеской аскезы молитвой и инструментализация обряда, являвшаяся следствием материализации таинств и святынь. Таким образом, Г. П. Федотов приходил к выводу о двух полюсах византийской религии — трансцендентализме и освящении жизни, которые присущи всякой религии и в своем единстве являют меру религиозной веры. В данном случае за каждым из этих полюсов виднелась фигура его оппонентов в Свято-Сергиевском богословском институте: за трансцендентализмом угадывалась идея неопатристического синтеза Г. В. Флоровского, а за освящением византийской жизни — развивавшаяся А. В. Карташевым применительно к истории России

⁸ Показательно в этом отношении, что Г. В. Флоровский, напротив, практически отождествлял взгляды Льва Великого и Кирилла Александрийского в своей книге «Византийские отцы V–VIII веков» (Ч. 3.8. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/vizantijskie-ottsy-v-viii-vekov/1 (дата обращения: 12.10.2015)). Представив подробное изложение «томоса» папы Льва, Г. В. Флоровский заключил: «И, конечно, Лев излагал именно “Кириллову веру”, хотя и совсем не на языке Кирилла. Их соединяют не формулы, но общность видения, один и тот же, почти наивный, метод восприятия или усмотрения Богочеловеческого единства...»). Эта книга была результатом чтения лекций в Свято-Сергиевском богословском институте, где преподавал и Г. П. Федотов. О неопатристическом синтезе Г. В. Флоровского см.: [14; 15, с. 84–94; 30].

концепция «симфонии» церкви и государства, а затем и общества, коренящаяся в известной юстиниановой новелле [9, с. 169–152; 24, р. 206–212]. Если свое отношение к идее Г. В. Флоровского Г. П. Федотов высказал, характеризуя святоотеческие истоки монофизитства и несторианства, то об отношении к реалиям воплощения симфонии он заявил в конце раздела «Религиозная мысль Византии», увязав его с характеристикой взглядов отцов Восточной Церкви: «Греческие отцы IV столетия, со всеми их платоническими и мистическими интересами, были пророками и учителями своего народа. Они считали борьбу со злом в личной и общественной жизни первой задачей христианина. Но после нескольких серьезных попыток преобразования и христианизации народной жизни в течение первого столетия после Константина, Церковь как бы истощилась в усилиях и оставила бесполезную борьбу. Освящение всей жизни стало символическим благословением, а не действительным ее преобразованием. Ориентализм государства, перестроенного Диоклетианом, сопровождался ориентализацией социальной жизни, опустившейся до уровня восточных языческих обществ. Рабство было не только одним из основных социальных институтов, но и совершенной моделью всех социальных отношений. Каждый человек был раб вышестоящих и господин подчиненных. Этика рабства, под личиной христианского смирения, принималась и идеализировалась византийской церковью» [12, с. 45]. Понятно, что так охарактеризованная «симфония» церкви и государства не могла стать образцом для подражания в Древней Руси, что с опорой на источники подчеркивал и Г. П. Федотов.

Наконец, рассматривая возможности передачи и восприятия византийского религиозного наследия, историк обратился к своей давней и излюбленной теме — о «молчании» Руси, как проявлении полного отсутствия у русских вплоть до XVII в. научной культуры. Не отказываясь от предложенного уже вскоре после революции 1917 г. объяснения этого недостатка переводом Библии и литургии на славянский язык, что делало излишней ученическую работу по изучению и усвоению наследия, как это было на Западе, Г. П. Федотов отметил в столь любимой им парадоксальной манере, что перевод оказался не только «сомнительным подарком», но и «бесценным даром». Последнее объяснялось тем, что «народ мог слышать слово Божие и молиться на языке, очень близком родному», что делало Евангелие понятным в некоторой мере «даже людям совершенно необразованным» [12, с. 49]. Это более глубокое восприятие Евангелия объявлялось им отличительной чертой веры не только русских, но и других славянских народов по сравнению с народами романо-германскими. Евангельский морализм проникал на Русь посредством славянских переводов греческой богословской литературы. Характеризуя славянские переводы, Г. П. Федотов дал обстоятельный анализ не только их содержания и жанрового разнообразия, но и принципов отбора переводимых произведений. Он еще раз подчеркнул значимость двух тем в них — «радости и надежды на спасение» и «размышлений о грехе и смерти, царящих в этом мире», представленных, соответственно, двумя наиболее почитаемыми греческими отцами: Иоанном Златоустом и Ефремом Сирином.

Наряду с литературными влияниями историк проанализировал и воздействие греческой литургии, справедливо считая ее «более мощным, всеохватывающим и устойчивым средством религиозного воспитания» [12, с. 58]. Он не только рассмотрел источники формирования восточной литургии и соответствующие пласты религиозных идей, воплощенных в них, но и выявил специфически византийские ее составляющие — гимны и славословия. Оценивая в целом византийское богослужение с учетом специфики строения православных храмов и их украшения, а также их воздействия на ве-

рующего, историк характеризовал их эмоциональное восприятие не как ликование, а как страх, сопровождавшийся молитвенным подъемом. «Человек, грешный и недостойный, призван созерцать Славу Господню, — заключал по этому поводу Георгий Петрович. — Он стоит посреди палат Царя Небесного, который представляется восседающим на троне за иконостасом, прозревая все сердца и помышления человеческие. Покаяние, самоуничижение, страх и мольба человека, с одной стороны, и сияющая Слава Господня — с другой: между этими двумя религиозными полюсами располагается вся гамма литургических переживаний» [12, с. 63]. Тем самым он вновь возвращался к мысли, высказанной им уже в «Стихах духовных», что не столько слова и идеи богослужения влияли на формирование веры, сколько внешние впечатления от «действий, мелодий и росписей» [12, с. 63]. Правда, при этом историк подчеркивал, что наиболее доступной для простого народа оказывались идеи Евангелия, а не сложные византийские богословские положения. Последние оказывались основой для заимствования, но не творческого обогащения для тех немногих образованных русских авторов, которые использовали греческий язык как средство общения с иностранцами или инструмент для переводов.

Общее представление о византизме и способах его восприятия в Древней Руси создавало основу для выявления специфических черт у русских византистов. Последовательно проанализировав произведения Климента Смолятича, Кирилла Туровского и Илариона Киевского, историк отметил их образованность. Правда, эта образованность проявлялась в заимствовании литературных и ученых приемов из Византии, что обуславливало близость их взглядов «к византийской религии Пантократора, Царя Небесного и Судии» [12, с. 92]. Евангельская составляющая, связанная с искуплением воплотившимся Христом грехопадения человека, оказывалась «в духе александрийского богословия» принижена в их произведениях. Вместе с тем, Г. П. Федотов указывал на преобладание в них проблематики священной истории, что оборачивалось чрезмерным увлечением антииудейской темой. Интерпретация последней Иларионом делала его из всех русских византистов наиболее «национальным» автором, развивающим положительную эсхатологическую тенденцию «в свете Воскресения и жизни в грядущем веке» [12, с. 90]. Правда, и здесь историк не смог обойтись без парадокса, указав на ведущую к иудейству возможность мессианской трактовки пафоса Илариона при характеристике приобщения русского народа к священной истории, когда «последние становятся первыми»⁹.

Таким образом, в своей последней книге Г. П. Федотов ввел очень значимые для всего построения исторического нарратива характеристики влияния византизма на процесс христианизации Древней Руси. В результате они определяли один из полюсов, относительно которого обозначалась специфика именно русского восприятия православия, которое в книге стало последовательно характеризоваться как кенотизм. Это понятие, произведенное лишь от однажды упомянутого в книге «Святые древней Руси» термина «кенозис»¹⁰, стало вторым смысловым полюсом, притяжение к кото-

⁹ Следует отметить, что эта тема совершенно не замечена в книге Д. Рубина, специально рассмотревшего вопрос о соотношении Святой Руси и Священного Израиля в творчестве Г. П. Федотова [26, р. 393–396].

¹⁰ Это точно подметил норвежский исследователь К. Ю. Мьёр [22, р. 103]. Его предшественник в рассмотрении данного вопроса Ю. Бёртнес указал, что данное понятие было заимствовано Г. П. Федотовым из либерального богословия Запада [2, с. 61–65]. Однако в исследовательской литературе высказывается мнение и о более раннем проникновении этого понятия в русское богословие [25, с. 319–332].

рому меняло значение общих для христианства понятий. Такой подход к изучению исторического материала, основанный на выделении биполярных оппозиций, в пространстве между полюсами которых устанавливалась определенная иерархия смыслов, можно определить как структуралистский. Его последовательная реализация создавала условия для разностороннего рассмотрения предмета изучения и его многоаспектных характеристик, что позволяло преодолеть односторонность видения прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Антощенко А. В. Концепция древнерусской святости Г. П. Федотова (об одной скрытой полемике в русской эмиграции 1930-х гг.) // Перекресток культур: междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М.: Логос, 2004. С. 132–151.
- 2 Бёртнес Ю. Русский кенотизм: к переоценке одного понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. Т. 1. С. 61–65.
- 3 Галямичева А. А. Георгий Петрович Федотов: жизнь и творчество в эмиграции. Саратов: Наука, 2009. С. 197–214.
- 4 Гумерова Ж. А. Идеал святости у Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 32–38.
- 5 Иванова Т. В. Проблема свободы в историософских воззрениях Г. П. Федотова. автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: РАГС при Президенте РФ, 2001. 142 с.
- 6 Исмаилов А. С. Истоки политико-философской концепции Г. П. Федотова // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 2 (12). С. 70–72.
- 7 Письма Г. П. Федотова к Б. А. Бахметьеву и сопутствующие материалы // Мир историка: историографический сборник. Омск: ОмГУ, 2014. Вып. 9. С. 402–440.
- 8 Письма-исповедь Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой // Мир историка. Омск: ОмГУ, 2015. Вып. 10. С. 397–454.
- 9 Сомин Н. В. А. В. Карташев о взаимоотношении Церкви и государства // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: материалы. М.: ПСТБИ, 1998. С. 169–152.
- 10 «Теперь я спокоен за будущее и могу спокойно работать». Из переписки Г. П. Федотова и М. М. Карповича. 1941–1945 гг. // Исторический архив. 2013. № 5. С. 114–136.
- 11 Федотов Г. П. О гении // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 118–121.
- 12 Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. М.: Sam&Sam, 1996.
- 13 Флоровский Г. В. Пути русского богословия. 4-е изд. Париж: YMCA-Press, 1988. 602 с.
- 14 Хоружий С. С. Неопатристический синтез и русская философия // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 75–88.
- 15 Черняев А. В. Г. В. Флоровский как философ и историк русской мысли. М.: ИФ РАН, 2010. 199 с.
- 16 Янцен В. В. Неизвестные страницы биографии Г. П. Федотова в США // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 79–93.
- 17 Ankersmit F. R. Narrative Logic: A Semantic analysis of the Historian's Language. The Hague; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers, 1983. 266 p.
- 18 Cherniavsky M. G. P. Fedotov, The Russian Religious Mind, II: Middle Ages, The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. Edited, with a foreword by John Meyendorff.

- Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1966. P. XVI. 423 p. // *Speculum*. 1967. Vol. 42. № 4. P. 733–736;
- 19 *Fedotov G. P.* The Russian Church (A Short Historical Sketch). P. 1 // *Sobornost'*. 1935. № 1 (New Series). P. 23–29.
- 20 *Florovsky G. V.* The Russian Religious Mind. By G. P. Fedotov. Cambridge, Mass, Harvard University Press. Vol. I, Kievan Christianity, 1966. 431 p. Vol. II, Middle Ages. 1966. 423 p. // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1968. Vol. 7. № 2. P. 318–319.
- 21 *Miller D. B.* The Russian Religious Mind. Volume II, Middle Ages, The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. By G. P. Fedotov. Edited, with a foreword by John Meyendorff. Cambridge, Mass, Harvard University Press, 1966. Vol. XVI. 423 p. // *American Historical Review*. 1969. Vol. 74. № 4. P. 1268–1269.
- 22 *Mjør K. J.* Reformulating Russia: The Cultural and Intellectual Historiography of First-Wave Émigré Writers. Leiden; Boston: Brill, 2011. 327 p.
- 23 *Munslow A.* Narrative and History. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007. 190 p.
- 24 *Petro N. N.* Challenge of the «Russian Idea»: Rediscovering the Legacy of Russian Religious Philosophy // *Christianity and Russian Culture in Soviet Society*. Boulder; San Francisco; London: Westview Press, 1990. P. 206–212.
- 25 *Röhrig H. J.* Zum Begriff 'Kenosis' in der russischen Theologie // *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit: Beiträge zu einem Forschungsdesiderat*. Köln: Böhlau Verlag Köln Weimar, 2006. S. 319–332.
- 26 *Rubin D.* Holy Russia, Sacred Israel: Jewish-Christian Encounters in Russian Religious Thought. Brighton (MA): Academic Studies Press, 2010. 570 p.
- 27 *Spinka M.* The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge; Mass.: Harvard University Press, 1946. Vol. XIV. 438 p. // *Church History*. 1947. Vol. 16. № 2. P. 114–115.
- 28 *Timashev N. S., Fedotov G. P.* The Russian Religious Mind. Cambridge; Mass: Harvard University Press, 1946. 438 p. // *Russian Review*. 1947. Vol. 7. № 1. P. 123–125.
- 29 *White H.* Figural Realism: Studies in the Mimesis Effect. Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1999. 210 p.
- 30 *Williams G. H.* The Neo-Patristic Synthesis of Georges Florovsky // *Georges Florovsky: Russian Intellectual. Orthodox Churchman* / ed. by A. Blane. Crestwood; NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1993. P. 287–340.

© 2017. Aleksandr V. Antoshchenko

Petrozavodsk, Russia

GEORGE FEDOTOV'S INTERPRETATION OF THE CONCEPT "BYZANTINISM"

Abstract: The article looks at the constructing of historical narrative in the last George Fedotov's book "Russian Religious Mind," published in the USA shortly after the Second World War and addressed to American readers. The author shows that another "implied reader" of this narrative was the conservative-orthodox former colleagues of the historian at the St. Sergius Theological Institute in Paris, with whom he continued

a hidden polemic. It was the latter one that determined detailed characterization of the Byzantine influence on the perception of Christianity in Ancient Rus. George Fedotov critically appraised “Russian Byzantinism,” contrasting it to another pole of Russian religiosity — “Kenoticism,” which he understood as the following Christ in love for God and for man. Such a bipolar examination of historical material, aimed at identifying the meaning of concepts, which characterized the ancient Russian religious mentality, allows us to qualify the work of George Fedotov as a research based on structural approach to history.

Keywords: George Fedotov, “Russian Religious Mind,” Byzantinism, Kenoticism, Orthodoxy

Information about the author: Aleksandr V. Antoshchenko — DSc in History, Professor, Petrozavodsk State University, Lenin St., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia. E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Received: April 13, 2017

Date of publication: June 15, 2017

REFERENCES

- 1 Antoshchenko A. V. Kontsepsiia drevnerusskoi sviatosti G. P. Fedotova (ob odnoi skrytoi polemike v russkoi emigratsii 1930-kh gg.) [The ancient concept of Holiness of G. P. Fedotov (about one hidden polemic in the Russian emigration of the 1930s)]. *Perekrestok kul'tur: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v oblasti gumanitarnykh nauk* [The Intersection of cultures: interdisciplinary studies in the Humanities]. Moscow, Logos Publ., 2004, pp. 132–151. (In Russian)
- 2 Bertnes Iu. Russkii kenotizm: k pereotsenke odnogo poniatiiia [Russian kinetism: on reevaluation of the concept]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quote, reminiscence, motif, plot, genre]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 1994, vol. 1, pp. 61–65. (In Russian)
- 3 Galiamicheva A. A. *Georgii Petrovich Fedotov: zhizn' i tvorchestvo v emigratsii* [Georgy Petrovich Fedotov: life and work in emigration]. Saratov, Nauka Publ., 2009, pp. 197–214. (In Russian)
- 4 Gumerova Zh. A. Ideal sviatosti u G. P. Fedotova [The ideal of Holiness by G. P. Fedotov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no 289, pp. 32–38. (In Russian)
- 5 Ivanova T. V. Problema svobody v istoriosofskikh vozzreniiakh G. P. Fedotova. avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk [The problem of freedom in the historiosophical views of G. P. Fedotov. Abstract. dis. PhD in Philosophy]. Moscow, RAGS pri Prezidente RF Publ., 2001. 142 p. (In Russian)
- 6 Ismailov A. S. Istoki politiko-filosofskoi kontsepsii G. P. Fedotova [Origins of G. P. Fedotov's political-philosophical conception]. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2012, no 2 (12), pp. 70–72. (In Russian)
- 7 Pis'ma G. P. Fedotova k B. A. Bakhmet'evu i soputstvuiushchie materialy [Letters to G. P. Fedotov, B. A. Bahmetiev and related materials]. *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik* [The World of historian: historiographical collection]. Omsk, OmGU Publ., 2014, vol. 9, pp. 402–440. (In Russian)
- 8 Pis'ma-ispoved' G. P. Fedotova k T. Iu. Dmitrievoi [Letters of confession of G. P. Fedotov to T. Y. Dmitrieva]. *Mir istorika* [The World of historian]. Omsk, OmGU Publ., 2015, vol. 10, pp. 397–454. (In Russian)

- 9 Somin N. V. A. V. Kartashev o vzaimootnoshenii Tserkvi i gosudarstva [A. V. Kartashev on relationship of Church and state]. *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta: materialy* [Annual theological conference of St. Tikhon Orthodox theological Institute: materials]. Moscow, PSTBI Publ., 1998, pp. 169–152. (In Russian)
- 10 “Teper' ia spokoen za budushchee i mogu spokoino rabotat'.” Iz perepiski G. P. Fedotova i M. M. Karpovicha. 1941–1945 [“Now I feel secure about the future and can safely work.” From the correspondence G. P. Fedotov and M. M. Karpovich]. *Istoricheskii arkhiv*, 2013, no. 5, pp. 114–136. (In Russian)
- 11 Fedotov G. P. O genii [About genius]. *Voprosy filosofii*, 2015, no 3, pp. 118–121. (In Russian)
- 12 Fedotov G. P. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [The collected works: in 12 vols.]. Moscow, Sam&Sam Publ., 1996. (In Russian)
- 13 Florovskii G. V. *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian theology]. 4-e izd [4 edition]. Parizh, YMCA-Press Publ., 1988. 602 p. (In Russian)
- 14 Khoruzhii S. S. Neopatristscheskii sintez i russkaia filosofiiia [Neopatristic synthesis and Russian philosophy]. *Voprosy filosofii*, 1994, no 5, pp. 75–88. (In Russian)
- 15 Cherniaev A. V. *G. V. Florovskii kak filosof i istorik russkoi mysli* [G. V. Florovsky as a philosopher and historian of the Russian thought]. Moscow, IF RAN Publ., 2010. 199 p. (In Russian)
- 16 Iantsen V. V. Neizvestnye stranitsy biografii G. P. Fedotova v SShA [Unknown pages of the biography of G. P. Fedotov in the USA]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2014, vol. 15, issue 3, pp. 79–93. (In Russian)
- 17 Ankersmit F. R. *Narrative Logic: A Semantic analysis of the Historian's Language*. The Hague; Boston; London, Martinus Nijhoff Publishers Publ., 1983. 266 p. (In English)
- 18 Cherniavsky M. G. P. Fedotov, The Russian Religious Mind, II: Middle Ages, The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. Edited, with a foreword by John Meyendorff. Cambridge; Massachusetts, Harvard University Press Publ., 1966. P. XVI. 423 p. *Speculum*, 1967, vol. 42, no 4, pp. 733–736; (In English)
- 19 Fedotov G. P. The Russian Church (A Short Historical Sketch). P. 1. *Sobornost'*, 1935, no 1(New Series), pp. 23–29. (In English)
- 20 Florovsky G. V. The Russian Religious Mind. By G. P. Fedotov. Cambridge, Mass, Harvard University Press. Vol. I, Kievan Christianity Publ., 1966. 431 p. Vol. II, Middle Ages. 1966. 423 p. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1968, vol. 7, no 2, pp. 318–319. (In English)
- 21 Miller D. B. *The Russian Religious Mind*. Vol. II, Middle Ages, The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. By G. P. Fedotov. Edited, with a foreword by John Meyendorff. Cambridge, Mass, Harvard University Press Publ., 1966. Vol. XVI. 423 p. *American Historical Review*, 1969, vol. 74, no 4, pp. 1268–1269. (In English)
- 22 Mjør K. J. *Reformulating Russia: The Cultural and Intellectual Historiography of First-Wave Émigré Writers*. Leiden; Boston, Brill Publ., 2011. 327 p. (In English)
- 23 Munslow A. *Narrative and History*. Basingstoke, Palgrave MacMillan Publ., 2007. 190 p. (In English)
- 24 Petro N. N. *Challenge of the «Russian Idea»: Rediscovering the Legacy of Russian Religious Philosophy. Christianity and Russian Culture in Soviet Society*. Boulder; San Francisco; London, Westview Press, 1990, pp. 206–212. (In English)

- 25 Röhrig H. J. *Zum Begriff 'Kenosis' in der russischen Theologie. Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit: Beiträge zu einem Forschungsdesiderat.* Köln, Böhlau Verlag Köln Weimar Publ., 2006, pp. 319–332. (In German)
- 26 Rubin D. *Holy Russia, Sacred Israel: Jewish-Christian Encounters in Russian Religious Thought.* Brighton (MA), Academic Studies Press Publ., 2010. 570 p. (In English)
- 27 Spinka M. *The Russian Religious Mind.* By George P. Fedotov. Cambridge\$ Mass, Harvard University Press Publ., 1946. Vol. XIV. 438 p. *Church History*, 1947, vol. 16, no 2, pp. 114–115. (In English)
- 28 Timashev N. S., Fedotov G. P. *The Russian Religious Mind.* Cambridge; Mass, Harvard University Press Publ., 1946. 438 p. *Russian Review*, 1947, vol. 7, no 1. pp. 123–125. (In English)
- 29 White H. *Figural Realism: Studies in the Mimesis Effect.* Baltimore; London, John Hopkins University Press Publ., 1999. 210 p. (In English)
- 30 Williams G. H. *The Neo-Patristic Synthesis of Georges Florovsky. Georges Florovsky: Russian Intellectual. Orthodox Churchman,* ed. by A. Blane. Crestwood; NY, St. Vladimir's Seminary Press Publ., 1993, pp. 287–340. (In English)